

... ГЛАВА 1 ...

Ветхое наследство

— Да вы шутите, — прошептала я, стоя перед заброшенной торговой лавчонкой. Руки опустились. Не от удивления, а от тяжести бронзового коня. Пришлось подставить колено и, балансируя на одной ноге, прижать к груди дорогую сердцу статуэтку. Лучше надорваться, но не позволить престижной премии «Самое бойкое перо королевства», можно сказать, достижению всей моей жизни, уткнуться бронзовой оскаленной мордой в дорожную пыль городка Питерборо!

— Мы точно не ошиблись адресом? — оглянулась я через плечо к носильщикам, сгружавшим с тачки дорожные сундуки.

— Нет, госпожа, — отозвались те. — Она и есть. Старая чайная лавка Ходжеса.

Витрины лавки были заколочены. Потемневшие ставни на втором этаже плотно закрыты. На обшарпанной двери висел ржавый навесной замок. Молоточек кто-то скрутил, уличный фонарь тоже — остался только жалкий крюк. Весь домик выглядел донельзя линиялым и решительно не соответствовал светлому образу, нарисованному мной в воображении.

Глядя на ветхое безобразие, я была готова официально заявить, что те, кто нас, газетчиков, называл врунами, никогда не получали вежливых писем от страп-

чих, служивших у покойных дядюшек по материнской линии. В злосчастном послании говорилось, что я, Александра Генриетта Колфилд, получила в наследство от безвременно скончавшегося родственника чудную торговую лавку в живописном городке Питерборо, что стоял на берегу озера Кристал-Уотер.

Громкое название рисовало в воображении удивительной красоты горные склоны, затейливые особнячки и толпы отдыхающих в любое время года богатеев. Но когда я вышла из омнибуса, в котором тряслась сорок часов с бронзовым конем на коленях, то почувствовала себя обманутой. Питерборо оказался обычной провинциальной дырой, сонной и неторопливой. От чистого воздуха кружилась голова, а от тишины звенело в ушах. И ни единого магната! Если только они не прятались по подворотням и кустам.

К слову, набережной в городке вообще не было. По дороге к дядюшкиной лавке носильщики мне объяснили, что Питерборо стоял в двадцати милях от озера, то есть на непреодолимом расстоянии к туристическим маршрутам. Откуда здесь взяться набережным с пирсами и магнатам с яхтами? Хорошо, что свое почтовое отделение имелось и даже маленький вокзал, правда, открытый всего пару лет назад.

— А когда будет следующий омнибус до Кингсбурга? — как будто небрежно уточнила я.

— Через неделю, — сгружая последний сундук, объявили работники.

Я подавилась на вдохе.

— Сложить вещи обратно? — ухмыльнулся один из них.

— Нет уж, — передернула плечами. Вернее, попыталась. С тяжелой дур... фигурой даже двигаться получалось с трудом. От веса «достижения всей моей жизни»

ныли руки и подгибались колени. Я действительно сбегала бы от местных красот и свежего воздуха обратно в столицу, но возвращаться нам с конем и дорожными сундуками было решительно некуда.

Оставив меня перед ветхой собственностью, готовой рассыпаться на дощечки от любого дуновения ветра, носильщики загремели тачкой по брусчатке.

К посланию от стряпчего прилагался ключ. Я его почти отыскала, но выронила ридикюль из рук, а следом чуть не упустила коня. От удара в сумке что-то подозрительно звякнуло. Главное, чтобы не ароматическое масло. Не хочется пахнуть, как коммивояжер с ящиком дешевых благовоний.

— Сейчас я тебя достану, сволочь! — процедила я.

Расставила пошире ноги и попыталась поднять ридикюль, не выпуская из рук статуэтку. Но только кончики пальцев зацепились за ручку, как в поле зрения появились чужие туфли, и сумку выдернули буквально у меня из-под носа!

— Да ты оборзел, сволочь! Положи обратно, иначе конем зашибу! — рявкнула я, изумляясь наглости местных грабителей. Где это видано: увести сумку среди бела дня?

— Извините, госпожа Колфилд, — вдруг смутился налетчик.

Я выпрямилась и глянула на преступника. Оказалось, что рядом мялся невысокий, невзрачный типчик в дурно сидящем костюме и с прилизанными на косою пробор светленькими волосенками. Выглядел он не вором, а серийным маньяком.

— Откуда вы знаете мое имя? — сощурилась я.

— Я Стэн Кроули, поверенный вашего дядюшки. Это я вам писал, — объявил он.

— Ах, стряпчий...

— Приятно познакомиться. — Он протянул руку.

— Взаимно, — согласилась я и с ловкостью фокусника-мошенника втюхала поверенному бронзовую статуэтку. От тяжести у бедняги подогнулись колени. Он крикнул, но прижал коня к груди с таким рвением, точно охранял родное дитя.

— И как вы узнали о моем приезде? — забрав у него ридикюль, я принялась переворачивать содержимое в поисках ключа и печати для охранного заклятья — небольшой плашки из магического металла.

— У нас городок маленький, новости расходятся быстро, — простонал поверенный и кое-как обтер рукавом пальто испарину, немедленно выступившую от натуги.

— Быстрее только простуда, — заметила я, целясь ключом в замочную скважину. Учítывая, что омнибус прибыл на станцию не больше часа назад, новости в Питерборо разлетались не просто быстро, а со скоростью скверны в осажденном замке.

— Постойте! — притормозил меня Кроули. — Сначала печать. Вот сюда...

Он указал на почти бесцветную метку, выдавленную на двери рядом с ручкой. От тяжести бронзового коня натруженные руки тряслись, и я не с первого раза попала плашкой в знак. На одно мгновение фасад дома вспыхнул бледным зеленоватым светом.

Я присвистнула. А дядька-то на охранную магию не покупился!

— Замок немножко заедает, — прокомментировал Кроули, когда я сунула ключ в замочную скважину. — Вы сначала вытащите его, а потом снова вставьте и открывайте.

— Смотрю, вы неплохо разбираетесь в моем замке, — сыронизировала я. — Много раз пытались открыть?

— Да разве ж полезет стряпчий в чужую собственность, — нашелся мошенник. — Я проверял целостность вашего, так сказать, наследства.

Чтобы распознать в поверенном дядюшки отменного вряля, особого чутья не требовалось. И упоминать, что просто «рыбак рыбака видит издалека», совершенно не к месту. Мы непохожи. Я никогда не вру. Ладно, изредка. Хорошо! Бывает, что привираю, но того требует творческая профессия. В смысле, бывшая творческая профессия требовала. Сейчас мы с конем временно оказались не при делах.

— И вас не смутило, что в лавку даже вор забраться не может? — заметила я, но тут же оговорилась: — Не подумайте, будто я недовольна. Благодарю вас за рвение и преданность делу.

— Тут ручка хлипенькая... — тихонечко выдохнул Кроули.

— Простите, что? — не расслышала я, попыталась повернуть ручку, и она с грохотом выпала из гнезда, заставив меня отпрянуть.

— Слышали поговорку, что ручки на входной двери ломаются на счастье? — нервно хохотнул Стэн.

— Не слышала, — сдержанно отозвалась я. Вандалы! Не могли аккуратнее взламывать?

Отодвинула ручку мыском туфли, сунула палец в дыру и потянула на себя дверь. Жалобно скрипнули ржавые петли. На нас повеяло запахом сырости и старья. Через доски на заколоченных витринах в помещение узкими полосами проникал дневной свет. Мебель, прилавки и шкафы скрывали пыльные простыни.

— Вы первая, госпожа Колфилд, — прокряхтел поверенный, судя по мучительной гримасе, мечтавший куда-нибудь пристроить злосчастливого коня.

— Только после вас, Стэн, — гостеприимно указала я внутрь лавки.

— Вообще-то, Стэн — это имя, — подсказал он, нарочито понизив голос. Мол, мы же с вами не заметим конфуза?

— Знаю, — премило улыбнулась я и приказала: — Входите!

— Ну, хорошо... — смирился он с тем, что вполне мог провалиться со статуэткой сквозь пол. Бронзовый скакун от падения шею точно не свернет, а вот Кроули... как светлый бог на душу положит. Я же намеревалась схитрить и держать между нами дистанцию в пару ярдов, чтобы не оказаться там же. В смысле, под полом, а не в объятиях светлого бога.

Первые шаги поверенный делал с большой осторожностью, но когда стало ясно, что пол даже спустя пять лет оставался крепким, осмелел и постучал по доскам каблуком.

— Здесь совершенно безопасно!

Одной рукой он сдернул с прилавка простыню и немедленно закашлялся от закружившегося в воздухе облака пыли.

— Нет! Не ставьте его! — выкрикнула я, когда поверенный попытался пристроить коня рядом со старой кассой.

— Если я поставлю, он испортится? — с мучением спросил Кроули.

— Если заберутся воры, пока мы будем осматривать лавку, его непременно украдут.

— Бронзового коня? — с сомнением уточнил он.

— Стэн, в ваших руках самое дорогое, что у меня есть!

Стуча каблуками, я направилась в соседнее помещение.

— Это кухня, — объявил поверенный, следуя за мной по пятам.

Кухня оказалась просторной, с большим старомодным очагом в центре.

— В доме имеется водопровод, — для чего-то пояснил Стэн, когда я подошла к квадратной глубокой

раковине с потемневшим дном. Крутанула вентиль. К моему удивлению, трубы загудели. Кран пару раз выплюнул ржавые брызги, а дальше потекла чистая и прозрачная вода.

Задняя дверь из кухни вела в запущенный сад, чуть тронутый осенним увяданием. Беседку густо опутывали покрасневшие от холодных ночей побеги хмеля. Разрослись и одичали кусты роз.

— Поднимемся на второй этаж? — предложил поверенный.

— Поднимемся, — согласилась я.

Не знаю, по какой причине, но он вел себя как навязчивый торговец недвижимостью. Точно боялся, что лавка с торговым залом, кухней и старым садом столичной штучке решительно не понравится и капризная клиентка даст деру в Кингсбург. На омнибусе, идущем через неделю.

На втором этаже располагались две спальни, разделенные чуланом, который на поверку оказался переделанным в банную. Я заглянула в одну из комнатенок. В ней был камин с кованой решеткой, стояли высокая кровать, громоздкий шкаф и круглая тумба. На полу лежал полосатый самодельный коврик. Воздух пах тяжелой старостью, как на чердаке, забитом рухлядью.

— Отличная спальня! И просторная! — просиял Стэн. Подвинул меня в дверях и прытко, видимо, из последних сил подскочив к тумбе, водрузил на нее коня. — Сейчас впустим свежий воздух!

Он заторопился открыть окно: загремел рамами, толкнул ставни... и они с грохотом выпали в сад. В комнату заструился сладковатый запах подгнившей яблочной падалицы. Я оторопела от очередной потери, а Стэн глубокомысленно высказался:

— Ой... Ну надо же! Какой конфузец...

— И не говорите.

— Зато! — просиял он. — Смотрите, какая здесь отличная кровать!

Переведя взгляд на кровать, я постаралась отогнать мысль о том, что, скорее всего, с нее дядюшка Ходжес и отбыл на тот свет.

Не знаю, из каких соображений поверенный уселся на неприкрытую перину и начал подпрыгивать, но ножки у кроватного остова натужно заскрипели, изголовье забилося о хлипкую стену. Кто со стороны увидит или услышит, точно подумает какую-нибудь пошлость. Или, может, я была слишком испорчена и развращена столичными нравами?

— Жесткая! — со знанием дела объявил Стэн.

Пол под моими ногами ходил ходуном, лавка тряслась. Казалось, что на первом этаже что-то подозрительно звенело. Надеюсь, не стеклянный светильник на потолке.

— Отлично для спины! — не успокаивался Кроули, из торговца недвижимостью превращаясь в торговца антиквариатом.

Следом раздался грозный треск, точно дом огрызнулся на невнятную постельную акробатику. Замерев, поверенный недоуменно моргнул. Секундой позже с ужасающим грохотом под тумбой с конем провалился пол. Достижение моей жизни ухнуло на первый этаж! Тишина, последовавшая за крушением, была гробовой. Потеряв дар речи, мы глянули в сквозную дыру. Разломанная тумба и конь, головой воткнувшийся в деревянный пол, валялись посреди торгового зала.

— Я помогу внести сундуки, — тихо вымолвил Кроули, боясь встретиться со мной глазами.

— Было бы неплохо, — отозвалась я в ответ.

Когда вещи с горем пополам были затащены в лавку, едва держась на ногах от усталости, мы уселись на крышку дорожного сундука. Поверенный вы-

удил из кармана пальто смятый замызганный платок, обтер взмокший лоб и обвел торговый зал рукой:

— Не надрывайтесь с уборкой. Завтра у вас тут все уберут подчистую.

— Тогда уж и плотника со стекольщиком пришлите, — попросила я, стараясь восстановить дыхание, и снова задрала голову, разглядывая дыру в потолке.

Достижение всей моей жизни оказалось таким тяжелым, что абсолютно все в этой самой жизни крушило. Даже унаследованную лавку.

Конь вскружил мне голову! В смысле, не он сам, конечно. Что может быть хорошего в бронзовой фигуре, проламывающей пол? А то, что он олицетворял в мире газетчиков: награду «Самое бойкое перо королевства». Когда я поступала на творческий факультет, то знала наверняка: в лепешку разобьюсь, но знак отличия получу! Когда рисковала головой в погоне за скандалами, то чувствовала: уже совсем близко. И получила по всем статьям... за статью. В ней и слов-то толком не было, практически один заголовок, но какой! Вершина моей карьеры! «Балерина для наследного принца...»

Могла ли я тогда предположить, что наборщица в типографии сделает роковую ошибку, а балерина неожиданно поменяет пол и превратится в балеруна? Знала ли, что именно в то утро наследный принц, прочитав статью, подавится булочкой и чуть не помрет посреди ресторации? Тонуть с бронзовым конем оказалось куда быстрее, чем в одиночку. Только выпустить его из рук, уходя на дно, было уже невозможно...

Из мрачных раздумий меня вывел подозрительный шум на первом этаже. Снизу неслись голоса и грохот, словно кто-то двигал мебель. Я решила, что наконец-то

пожаловали обещанные Стэном Кроули уборщики, но вдруг один из нанятых рабочих выкрикнул:

— К двери его! К двери!

Ванна в банной комнате была сидячей, свернуться в ней пришлось бубликом, а когда тело затекло, то и вытянуть ноги на бортики. Поспешно я выскочила из ванны, полной пахнущих ванилью пузырьков, и чуть не клюнула носом в ледяной пол. Быстро натянула халат, обула домашние туфли. Не чувствуя под собой ног, слетела в торговый зал и обнаружила удивительную картину. С мебели были сорваны простыни, в воздухе кружилась пыль. Двое грузчиков пытались вытащить на улицу прилавок, повернув тяжелую махину бочком, чтобы прошла во входную дверь, а третий в обнимку с бронзовой наградой занял очередь на улицу.

— Куда ты поволок моего коня?! — завопила я так, что, была бы оперной певицей, сорвала бы овации восхищенного зрительного зала.

— Мать моя женщина! — воскликнул вор, едва не выпустив из рук статуэтку.

— Я не твоя мать, а Александра Генриетта Колфилд — хозяйка этой чудной лавки! Была бы вашей матерью, вы бы трое сейчас под стол пешком ходили, а не тырили чужие вещи!

— Призрак! — взвизгнул он.

— Это вы у меня призраками чайной лавки станете, в мучениях умершими! — рявкнула я и бросилась на спасенье статуэтки. — Отдай коня, ворюга, сохрани нос на будущее! Хук справа у меня поставлен!

Проверять правдивость угрозы обомлевший грабитель, видимо, побоялся, отдал награду без боя. Конь был по-прежнему тяжел, но я оказалась настолько возмущена, что не чувствовала внушительного веса. Беснующаяся хозяйка в халате, сыпавшая газетными заго-

ловками, произвела на грабителей самое хорошее впечатление. В смысле, они затрепетали.

— А вы двое! — прикрикнула я и, заглотив пыли, звонко чихнула. — Руки прочь от моего прилавка! Немедленно поставьте!

— На место? — испуганно спросил один из них.

— На пол! — Голос вдруг меня подвел, пришлось кашлянуть, а только потом потребовать ответа: — Почему вы мою мебель выносите?

— Нас Кроули прислал, — растерянно переглянулись носильщики, и я несколько поутихла, начиная чувствовать себя дурочкой.

— Что за уборка странная? Чтобы помыть полы, не надо обчищать дом до остова.

— Господин поверенный велел всю мебель вынести, а потом разбирать начать.

— Что разбирать? — не поняла я.

— Так старую лавку Ходжеса разбирать, — подсказал тот, кто пытался стащить бронзового коня. — Мы же адресом не ошиблись?

— Не ошиблись, — согласилась я. — Только зачем вам мое наследство разбирать?

— Кроули сказал: за долги.

— У меня есть конь и никаких долгов! — возмутилась я из-за наглого поклепа на честную, законопослушную королевскую подданную. И три привода в стражий участок за проникновение в особняки знаменитостей не считаются. Пробралась по делу, то есть из-за хорошей статьи.

— Знаете, дамочка, — вдруг совершенно алогично разозлился один из мужчин, заявивший, что собирается превратить мою лавку в кучку старых дощечек и щербатых камней. — Разбейтесь с Кроули сами, а потом уже нас вызывайте!